

№ 5872.

M5872.2

КОСТРОМСКАЯ
РАЙОННАЯ
ШКОЛА
ПЕЧАТНОЕ ДВЕРСТВО.

№ 89

ПЕРЕХОДЪ КРЕСТЬЯНИНА

ОТЪ КОЛОДЫ

КЪ РАМЧАТОМУ УЛЮ.

РАЗСКАЗЪ.

СОСТАВИЛЪ

П. А. БѢЛОРУКОВЪ.

КОСТРОМСКОЙ ЗЕМСКОЙ ПЧЕЛОВОДЪ.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ОБЗРѢНІЕ ПЧЕЛОВОДСТВА“

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Г. А. КУЗЬМИНА.

Цѣна 15 коп.

КОСТРОМА.
Губернская Типографія.
1905.

85
84
2015

1959

1959

68

КОСТРОМСКАЯ
практическая
ШКОЛА
пчеловодства.

ПЕРЕХОДЪ КРЕСТЬЯНИНА 638.1

ОТЪ КОЛОДЫ

КЪ РАМЧАТОМУ УЛЮ.

РАЗСКАЗЪ.

Костромская Центральная
Библиотека
М. 5872

ПРОВЕРЕНО
1946 г.

СОСТАВИЛЪ
П. А. ВЪЛОРУКОВЪ,
КОСТРОМСКОЙ ЗЕМСКОЙ ПЧЕЛОВОДЪ.

Изданіе журнала
„ОБОЗРѢНІЕ ПЧЕЛОВОДСТВА“
подъ редакціей Г. А. КУЗЬМИНА.

~~БИБЛИОТЕКА
Костромской губернии
„ДОМА КРЕСТЬЯНИНА“
Имя ~~В. В. В. В.~~ ~~И. И. И. И.~~~~

КОСТРОМА.
Губернская Типографія,
1905.

638.1

ПЕРЕХОДЪ КРЕСТЬЯНИНА ОТЪ КОЛОДЫ

КЪ РАМАТОМУ УЛЮ.

Тимофея Ильича

Рассказъ

Доволено цензурою. 2 ноября 1905 г. Кострома. Губернская Типографія.

И. А. Бороваковъ

Костромской земской типографіи

Издательство

Оформленіе и печать

подъ редакціей Г. А. Кузьмина

Кострома

Губернская Типографія

№ 1001

Кострома

Губернская Типографія

1905

Переходъ крестьянина отъ колоды къ рамчатому улью.

Въ 190... году, бывши на курсахъ пчеловодства въ гор. В...., я познакомился съ однимъ изъ слушателей курсовъ, пчеловодомъ крестьяниномъ Тимофеемъ Ильичемъ. Это былъ еще совершенно молодой, лѣтъ 25—26 человекъ, довольно красивый. Его большіе каріе глаза выказывали, что обладатель ихъ надѣленъ отъ природы хорошимъ умомъ. За недѣлю курсовъ мы съ Тимофеемъ Ильичемъ какъ то невольно, не замѣчая сами, сдѣлались пріятелями. А такъ какъ наши мѣстожителства оказались всего только въ 6-ти верстахъ, то мы въ лѣтнее время стали посѣщать другъ друга и иногда подолгу бесѣдовали о доходности пчеловодства, если оно ведется умѣло и о тѣхъ потеряхъ, которыя крестьяне терпятъ, ведя пчеловодство рутинною. Самъ Тимофей Ильичъ тоже только что начиналъ водить пчелъ въ рамочныхъ ульяхъ, но между тѣмъ хорошо зналъ ихъ большія преимущества предъ колодными ульями. Онъ былъ человекъ семейный; семья его состояла изъ жены и двоихъ лѣтей, а потому и по хозяйству, и со пчелами, ему приходилось посѣщать одному; и онъ какъ то вездѣ посѣввалъ. Съ сѣнокосу-ли придетъ, пріѣдетъ-ли усталый съ поля, сейчасъ же бѣжитъ осмотрѣть своихъ пчелокъ, что надо исправить, и опять идетъ на работу. Мать Тимофея померла уже давно, оставивъ его съ сестрой, когда ему было 17 лѣтъ, а сестрѣ 15. Черезъ годъ послѣ смерти матери отецъ поженилъ его. Тимофей еще и въ то время имѣлъ привязанность къ пчеламъ, ему еще и тогда хотѣлось чтобы отецъ завелъ нѣсколько рамочниковъ и онъ пробовалъ было просить его объ этомъ, но отецъ былъ слишкомъ строгъ и не хотѣлъ его слушать. Спустя два года послѣ женитьбы, Тимофею пришлось отвезти и отца на кладбище къ матери. Тогда, оставшись съ женой, годовымъ ребенкомъ сыномъ и сестрой, ужъ невѣстой, Тимофей почувствовалъ себя свободнымъ и не шадя своихъ силъ принялся приводить въ порядокъ свое крестьянское хозяйство. Со пчелами же онъ ничего подѣлать не могъ. Разъ какъ то захотѣлось ему заглянуть въ ульи и вотъ, взявши топоръ, онъ подошелъ къ одному улью, подсунулъ носъ топора подъ должею и поналегъ на топоръ, но такъ не удачно, что должея вылетѣла изъ улья и упала на землю, пчелы массою набросились на него и сильненько тогда поизжалили за его храбрость, послѣ чего охота ко пчеламъ уменьшилась. Но вотъ однажды въ волостномъ правленіи онъ узналъ что въ городѣ будутъ бесплатные курсы пчеловодства, на которыхъ желающіе будутъ знакомиться съ жизнью пчелъ, съ правильнымъ уходомъ за ними въ рамочныхъ ульяхъ, а также и съ той пользой, какую могутъ принести пчелы въ крестьянскомъ хозяйствѣ при умѣломъ уходѣ за ними. Тимофей Ильичъ тутъ же порѣшилъ побывать на курсахъ во что бы то ни стало. И вотъ на этихъ то курсахъ, какъ я сказалъ выше, мы съ нимъ познакомились и подружились.

Часто, по праздничнымъ днямъ, къ Тимофею Ильичу приходилъ изъ мѣстной деревни его товарищъ Николай Игнатьичъ, сильно интересовавшійся пчеловодствомъ въ рамочныхъ ульяхъ, съ которымъ Тимофей Ильичъ отъ души дѣлился своими познаніями въ этомъ дѣлѣ какъ пріобрѣтенными имъ во время курсовъ, такъ и усвоенными на практикѣ. Часто, лежа на лужайкѣ, я слушалъ веселое жужжаніе пчелъ летавшихъ въ воздухѣ за добычей и въ то же время съ нескрываемымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на двухъ товарищей, занятыхъ работами въ ульяхъ. Однажды, весною не помню въ какой то праздникъ, отъ нечего дѣлать, я по обыкновенію пошелъ къ Тимофею Ильичу. День былъ хотя не особенно теплый, но ясный, легкій вѣтерокъ

едва шевелили листья деревьев; казалось, что вся природа находится как-бы в полудремотѣ. Лишь только маленькія птички, безопасно чирикавая, перелетали съ дерева на дерево; да рѣзвый жаворонокъ гдѣ то въ высотѣ надъ полемъ пѣлъ свою однообразную пѣсню, подымаясь все выше и выше въ воздухъ. На этотъ разъ я нашелъ Тимофея Ильича одного, сидящимъ на завалинкѣ у своего дома. Поздоровавшись съ нимъ, я усѣлся тутъ же. Нашъ разговоръ начался какъ и всегда—про пчелокъ. Тимофей Ильичъ жаловался на погоду, что почти весь май стоятъ дожди да холода, не дающіе возможности какъ слѣдуетъ развиться пчеламъ, хотя не смотря на такую погоду, нѣкоторыя семьи приготовляются къ роенію.

— Смотри-ка, кажется отецъ Николая идетъ? сказалъ Тимофей Ильичъ, указывая мнѣ пальцемъ на дорогу, онъ и есть, ты его не знаешь еще? Это закосяблѣный въ старинѣ пчеловодъ. Вотъ мы сейчасъ его заманимъ сюда, тогда увидишь.

Дѣйствительно спустя нѣсколько минутъ, къ намъ подошелъ отецъ Николая—Игнатій Ивановичъ. Это былъ мужчина лѣтъ 55, высокаго роста, еще довольно сильный на видъ, хотя въ бородѣ виднѣлась просѣдь. На немъ была матерчатая поддевка съ борами, на головѣ какая то рыжая съ большими полями и свѣтлымъ козырькомъ фуражка, за плечами висѣла бѣлая большая котомка, на ногахъ были довольно обширные кожаные сапоги, голенища которыхъ имѣли видъ берестяныхъ бураковъ, а носки походили какъ бы на лопаты. При шаганіи Игнатія Ивановича, его сапоги выбивали въ тактъ: „хлопъ, хлопъ“, „хлопъ, хлопъ“.

— А, Игнатій Ивановичъ, здорово!

— Здравствуй, Тимофей Ильичъ!

— Откуда это ты съ такой котомкой тащишься?

— Да изъ города; ходилъ смотрѣть на выставку пчеловодства.

Поздоровавшись съ Тимофеемъ Ильичемъ за руку, Игнатій Ивановичъ почтительно поклонился мнѣ, но руки не подалъ.

— Ну, что тамъ видѣлъ хорошаго, рассказывай? да скинь котомку то, а потомъ давай-ка присядемъ, лучше будетъ; я думаю, ты приусталъ, вѣдь не близко.

— Да пожалуй, что приусталось немного-то: Хорошаго, братикъ, я тамъ видѣлъ много, да все, какъ мнѣ думается, это барскія затѣи, не для насъ мужиковъ, сказала Игнатій Ивановичъ, снимая съ плечъ котомку и садясь на завалинку рядомъ съ нами.

Видѣлъ ульи на подобіе маленькихъ домиковъ, похожи немного на твои ульи; видѣлъ машинки, на которыхъ будто-бы медь выбрызгиваютъ изъ сотовъ; ну еще видѣлъ роенни, въ которыхъ можно искать матку безъ пологу и безъ сѣтки, да всего-то хорошенько-то и не запомню.... Да вотъ еще, видѣлъ тоненькую, тоненькую вошину, которую работали не пчелы, а изготовляется она на такой особой машинкѣ. Ну, вотъ видишь, не правду ли я говорю, что все это барскія затѣи, допрежь этого и въ завистяхъ не было, а пчель-то было куда гораздо больше, чѣмъ теперь, когда пошли выдумываться эти разные домики да машинки; я помню, когда былъ небольшой, то у насъ на деревнѣ почти у cadaго домохозяина было по нѣсколько десятковъ колодь; меду то почти изъ cadaго улья по пуду, да по два вынимали, а роевъ-то, роевъ-то по сколько было, не то что теперь; изъ одного улья по два, да по три роя имали, а теперь что? стали садить пчель въ какіе то ящики, понавдумывали разныхъ машинокъ, да и говорятъ еще, что отъ этого пчелы больше меда наносятъ.

— Видя, что бесѣда Тимофея Ильича съ Игнатиемъ Ивановичемъ приняла серьезный видъ и что они какъ бы забыли про меня совсѣмъ, углубившись

оба въ свои разсужденія, я всталъ потихоньку съ заваленки и улегся тутъ же на траву, стараясь, чтобы не нарушить эту интересную для меня бесѣду и чтобы не проронить ни одного слова.

— Эхъ, дядя Игнатій, дядя Игнатій, какъ погляжу я на тебя, да послушаю, ты ты похожъ на Никандра старовѣра, да на моего покойнаго отца и судишь почти такъ же, какъ и они; ты вотъ говоришь, что въ старину то и безъ рамочныхъ ульевъ много меду доставали, да по много роевъ ловили, а ты помнишь-ли кака въ старину то около насъ привола была, то ли, что видишь теперь? я хотя самъ то и не запомнилъ, а слыхалъ отъ стариковъ, что кругомъ нашихъ полей, гдѣ теперь растутъ березовый да осиновый кустарникъ, ранѣ росли липы чуть не въ два человѣческихъ обхвата, что можно судить по имѣющимся еще и теперь кой у кого липовымъ дупелькамъ, чуть ли не по 20 вершковъ въ поперечникѣ, а опять говорятъ ягодниковъ то что всякихъ было на вырубкахъ; тогда пчела то купалась въ меду; ей съ самой ранней весны до поздней осени было гдѣ взять медъ, а потому пчелы и росли сильно и меду наносили много; теперь же липъ и въ поминѣ нѣтъ, все что лучше повыварили, остальное прижгли, хорошую землю обратили подъ покость, а похуже и теперь стоитъ пустыремъ; ты вотъ говоришь, что въ старину у васъ въ деревнѣ у cadaго почти домохозяина было по нѣсколько десятковъ колодь со пчелами, ну а теперь много ли у васъ въ деревнѣ то пчель, кажется, только у тебя одного, да и то далеко не столько, сколько было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Куда же у остальныхъ дѣлись пчелы а? рамочныхъ ульевъ никто у васъ тогда не заводилъ, машинокъ тоже ни у кого никакихъ не было; значить пчелы гибли не отъ рамочныхъ ульевъ, а отъ чего то другого; ну, а какъ ты думаешь, отъ чего?

— Видно такъ Богу угодно, Тимофей Ильичъ, на это Божья воля.

— Нѣтъ Игнатій Ивановичъ, Богу вовсе такъ не угодно; Онъ вѣдь сказалъ: „плодитесь и множитесь“; эти слова относятся не къ одному человечеству, а ко всякому живому существу; значить Богу вовсе не угодно, чтобы та мушка, воскъ которой приносится Ему въ жертву, гнила напрасно безъ пользы. Нѣтъ, пчелы гибнутъ отъ насъ самихъ, отъ нашего невѣжества, отъ нехотѣнія перенять доброе, полезное; вѣдь большинство насъ живетъ придерживаясь того, какъ жили наши дѣды: какой колеей ѣздили наши дѣды, той тащимся и мы, не смотримъ на то, что тутъ уже выбилась огромная рытвина, не хотимъ своротить немного въ сторону, гдѣ дорога гладкая, ровная, или подзаровнять бы рытвину; нѣтъ, зачѣмъ, тутъ ѣздили такъ наши дѣды и отцы, значить и мы должны тутъ же тащиться. Такъ и въ пчеловодствѣ: какъ раньше водили дѣды пчель, такъ и теперь ведутъ, а того не сообразимъ, что привола-то для пчель стала совсѣмъ не та. Пчелы гибли и въ старину и быть можетъ больше чѣмъ теперь, но только тогда эта убыль пополнялась многочисленными роями, то вольными, пойманными на лѣсу, то отъ своихъ пчель, вотъ тогда убыль то была и не больно замѣтна, и пчелы жили безъ всякаго ухода. Теперь же совсѣмъ не то: за зиму то убудетъ чуть ли не треть пчельника, а то иногда пожалуй и половина; во всю весну пчеламъ меду взять негдѣ, развѣ гдѣ либо найдутъ слабую или безматочную семью, такъ обворуютъ ее, только тѣмъ и поживятся, а мы не догадаемся справиться, что если у пчель медъ-то; гдѣ бы надо подкормить медомъ или сахарнымъ сиропомъ—а зачѣмъ? вѣдь наши дѣды никогда весной не давали пчеламъ корму, а про то забываемъ, что тогда и безъ помощи пчеловода пчелы находили достаточно меда, какъ для себя, такъ и для дѣтвы; и вотъ благодаря-то тому, что мы придерживаемся дѣдушкиныхъ порядковъ, за лѣто отъ пчельника въ 10—15 ульевъ получаемъ 2—3 роевъ, да нѣсколько фунтовъ меда, а то пожалуй и ничего.

— Ну, ладно Тимофей Ильичъ, пусть это такъ, дакъ что же тутъ могутъ помочь ваши рамочные ульи? почему всѣ новые пчеловоды увѣряютъ, что и теперь пчелы въ рамочномъ ульѣ соберутъ больше меду, нежели въ колодномъ, правда ли это? растолкуй-ка ты мнѣ пожалуйста, почему въ рамочномъ ульѣ пчелы соберутъ больше меду противъ колоднаго, приче́мъ же тутъ улей?

— Погоди Игнатій Ивановичъ, разъяты началъ интересоваться рамочнымъ ульемъ, то я какъ нибудь постараюсь выяснитъ тебѣ всю пользу отъ рамочнаго улья. Давай начнемъ съ весны, такъ какъ новый годъ пчеловода начинается съ весны же: ну вотъ весной раскуталъ ты свои ульи, открылъ долженъ, выскребъ подморь, тѣмъ свой осмотръ пчелъ закончилъ, развѣ еще ткнешь въ летокъ соломинкой или лучинкой, чтобъ узнать есть-ли у пчелъ медъ, угадалъ въ какую либо ячейку, съ медомъ, выгашилъ на кончикѣ соломинки или лучинки немножко медку, лизнулъ—сладко, ну славу Богу! значить медъ есть, работайте матушки, а на долго ли хватитъ этого меду, это уже знаютъ только однѣ пчелы. Больше при всемъ желаніи разсмотрѣть въ ульѣ ничего нельзя; есть ли въ ульѣ матка, нѣтъ ли, Богъ вѣдаетъ; въ рамочномъ же ульѣ совсѣмъ наоборотъ: какъ только весной появится тепленькій денекъ, ульи открываются и осматриваются: первоначально—есть ли матка, исправна ли она; есть ли запасъ меда, хорошъ ли онъ, не закисъ ли, не залѣсневѣли ли гдѣ соты, все это сейчасъ же можно бываетъ исправить, напри́мѣръ въ одномъ ульѣ семья потеряла матку, а гнѣздо у нее чистое, меду благодать, да еще и медъ все хорошій; въ другомъ же ульѣ матка есть и хорошая, но гнѣздо почему либо залѣсневѣло, медъ испортился, тогда пчелы изъ этого улья вмѣстѣ съ маткою присоединяются къ безматочной семьѣ, и изъ двухъ неблагополучныхъ семей дѣлается одна хорошая надежная семья. Я сказалъ „изъ двухъ неблагополучныхъ семей“, потому что въ колодныхъ ульяхъ безматочность семей и доброкачественность медовыхъ запасовъ узнать трудно; поэтому безматочныя семьи, предоставленныя на произволъ судьбы, постепенно слабѣютъ, и наконецъ разграбляются болѣе сильными семьями. Тѣ же семьи, гнѣзда у которыхъ залѣсневѣли и медъ окисъ, если имъ не прийти своевременно на помощь, то есть если не убрать залѣсневѣлыя соты и не замѣнить ихъ чистыми, и не переменить окисшій медъ на хорошій, то такія семьи въ большинствѣ случаевъ слетаютъ, покидая свои жилища, что часто весною и бываетъ. Затѣмъ, если у всѣхъ семей матки имѣются, а въ нѣкоторыхъ семьяхъ оказываются недостатки меда, тогда эти недостатки пополняются запасными сотами съ медомъ въ рамкахъ, которыхъ у рачительнаго пчеловода всегда къ веснѣ хранится порядочное количество, а если запаснаго сотоваго меда нѣтъ, то дается спущенный или же густой сахарный сиропъ (4 части сахара на 1 часть воды), въ особаго рода кормушкахъ, которыя ставятся поверхъ рамокъ, прямо надъ клубомъ пчель.

— Да, вѣрно, Тимофей Ильичъ, на выставкѣ я видѣлъ эти кормушки и были тутъ жестяныя и деревянныя.

— Ну вотъ, значить ты теперь ихъ знаешь. Далѣе, въ рамочномъ ульѣ ты видишь, что нѣкоторыя соты уже слишкомъ устарѣли, такъ что если смотрѣть чрезъ нихъ на солнце, то сквозь ихъ нѣсколько не просвѣчиваетъ, ячейки у такихъ сотовъ маленькія и уже не шестигранныя какъ у свѣжихъ сотовъ, а круглыя; такіе соты для вывода дѣтвы не годятся, они только зря въ ульѣ мѣсто занимаютъ, ихъ приходится удалить; въ рамочномъ ульѣ это легко, стоитъ только поставить на мѣсто этихъ сотовъ рамки со свѣжими сотами, а если пчелы уже начали тянуть поновку, тогда вмѣсто запасныхъ сотовъ вставляются рамки съ искусственной воиной, съ той самой

которую ты видѣлъ на выставкѣ. Въ колодномъ же ульѣ смѣну гнѣзда сдѣлать не такъ-то легко, да у насъ это совсѣмъ и не примѣняется, а между тѣмъ всѣ очень старыя семьи въ колодныхъ ульяхъ имѣютъ такіе, почти нигде негодные соты, такъ какъ вновь оттянутые за лѣто соты ежегодно вырѣзаются пчеловодами, какъ улазы.

— Ты правду говоришь, Тимофей Ильичъ, на дняхъ я выламывалъ гнѣздо изъ одного улья, пчелы въ которомъ жили около 20 слишкомъ лѣтъ и погибли уже вотъ недавно, весной, такъ понимаешь, ножъ не рѣжетъ соты, словно смола какая, а ячейки-то лишь только съ одной стороны сотовъ, да и то какія-то неpravекія, а съ другой стороны никакихъ ячеекъ нѣтъ, почти гладко, какъ доска.

— То-то вотъ и есть. Затѣмъ, если при осмотрѣ весной, ты видишь, что клубъ пчель далеко не всѣ рамки въ ульѣ занимаетъ собою, тогда не занятые пчелами рамки изъ улья вынимаются, при чемъ обращается вниманіе, чтобы въ остающихся въ ульѣ рамкахъ была запасъ меда, послѣ чего вставляются въ ульѣ вставная доска (которая даетъ возможность пространству гнѣзда увеличивать или уменьшать, смотря по надобности) придвигается къ сотамъ, а образовавшееся свободное пространство заполняется мохомъ, мякиной или чѣмъ-либо другимъ. Въ уменьшенномъ такимъ образомъ гнѣздѣ, пчеламъ дѣлается теплѣе, а потомъ когда семьи пчель начнутъ усиливаться и установится болѣе теплая погода, тогда гнѣзда постепенно увеличиваются, или тѣмъ же сотами, которые были отобраны, или же рамками съ искусственной воиной. Въ колодномъ же ульѣ трудно узнать, сколько пчель въ ульѣ, отъ холода или же имѣютъ достаточную теплоту. Весной съ половиною мая, чтобы пчелы скорѣе усиливались, имъ приходится по-немногу подкармливать жидкимъ кормомъ (сытой или же сахарнымъ сиропомъ, первоначально изъ 2-хъ частей меда или сахара и 3-хъ частей воды, а затѣмъ, когда пчелы будутъ хорошо брать кормъ, тогда онъ дается болѣе жидкимъ (1 часть меда или сахара и 2 части воды) этотъ кормъ дается пчеламъ въ тѣхъ самыхъ кормушкахъ, которыя ты видѣлъ на выставкѣ; кормушки эти, какъ я тебѣ уже говорилъ, ставятся поверхъ рамокъ надъ клубомъ пчель, тогда, чтобы дать пчеламъ корму, стоитъ только снять крышку улья, убрать верхній покровъ, отодвинуть отверстие въ кормушкѣ и налить черезъ него въ кормушку корму. Все это дѣлается легко и скоро и кромѣ того при такомъ кормленіи улей не охлаживается, такъ какъ открывать его вовсе нѣтъ надобности, а за послѣднее время стали входить въ употребленіе кормушки, которыя вставляются прямо въ рамку, для чего дѣлается изъ дерева, а еще лучше изъ жести корытце, длиною по внутренней ширинѣ рамки улья, шириною $\frac{3}{4}$ верхкави, глубиною 1 вершокъ, въ это корытце вставляется деревянный дощечка, для того, чтобы не тонули пчелы. Затѣмъ берется рамка съ сотомъ, часть сота сверху вырѣзается шириною черезъ всю рамку, за вышнюю въ $\frac{1}{4}$ верш. а послѣ чего по срединѣ верхней линейки дѣлается отверстие; когда все это будетъ готово, тогда корытце вставляется въ вырѣзанное въ сотѣ отверстие, слегка укрѣпляется и сотъ этотъ ставится въ улей рядомъ съ дѣтвой. Кормъ въ такую кормушку наливается черезъ отверстие въ линейкѣ. Если такую кормушку желательно вставить въ рамку безъ сота, тогда къ боковымъ линейкамъ рамки, на разстояніи $\frac{1}{4}$ верш. отъ верхней линейки, приколачиваются маленькіе обрубочки, на которыя поставится кормушка.

— Какъ я послушаю тебя, Тимофей Ильичъ, что и мнѣ думается, что такая-то будетъ удобно, тамъ своимъ пчелкамъ, если когда и подставляемъ между-то, такъ просто беремъ краюху хлѣба, вырѣжемъ изъ нее мякишъ, а на мѣсто того положимъ медку, вотъ тебѣ и кормушка, возьмешь еще лучин-

ку, немножко расколешь ее и защемишь тут краюху-то и поставишь въ улей“.

— Да, я помню и мой покойный отецъ тоже такъ дѣлалъ, а для жидкаго корма у него были сдѣланы нарочныя небольшія деревянные корытца. Но при подстановкѣ корма въ такихъ кормушкахъ, улей обязательно надо открывать, что далеко неудобно, въ особенности въ холодную погоду, когда бываетъ очень легко застудить дѣтву. Кромѣ того въ краюхѣ хлѣба медъ сейчасъ же закисаетъ и приноситъ пчеламъ скорѣе не пользу, а вредъ, такъ какъ отъ окисшаго меда у пчелъ появляется поносъ. Такъ вотъ Игнатій Ивановичъ, съ чего не начни, а рамочный улей во всемъ лучше колоднаго, такъ напримѣръ въ роевую пору въ колодныхъ ульяхъ нельзя узнать будутъ-ли пчелы роиться или же нѣтъ и нерѣдко бываетъ, что пчеловодъ сидитъ около своихъ пчелъ недѣль 6—7 и не получить ни одного роя, а все лишь благодаря тому, что не знаетъ, что дѣлается въ ульяхъ. Въ рамочномъ же ульѣ наоборотъ, если при осмотрѣ гнѣздъ пчеловодъ замѣтитъ въ ульѣ заложенные маточки, то уже съ точностью узнаеть, что семья готовится къ роенію. Затѣмъ, въ колодномъ ульѣ, въ большинствѣ случаевъ пчелы улазъ застраиваютъ главнымъ образомъ трутневыми сотами; эти соты матка засѣваетъ трутневыми яичами, изъ которыхъ и выходитъ масса трутней, а такъ какъ уже извѣстно, что трутни въ ульѣ не работаютъ и не собираютъ меда, а лишь служатъ для оплодотворенія матокъ, то поэтому большое количество трутней въ ульяхъ вовсе нежелательно, такъ какъ они поѣдаютъ массу меда, какъ будучи дѣткою, такъ и еще болѣе когда будутъ летать на проигру. Если-бы трутневые соты вырѣзать, то почти можно навѣрно сказать, что пчелы снова отстроятъ соты трутневые, а въ рамочномъ ульѣ пчеловодъ легко можетъ не дать пчеламъ тянуть трутневые соты, давая пчеламъ рамки съ запасными пчелиными сотами, или же искусственной вощиной, на которой пчелы отстраиваютъ соты только исключительно съ пчелиными ячейками. Или вотъ еще, во время главного взятка соты въ колодномъ ульѣ почти всѣ заняты дѣткою, семья сильная и не хочетъ роиться, и медъ некуда дѣвать; обыкновенно пчелы въ такой семьѣ выходятъ наружу и висятъ на передней стѣнкѣ улья въ видѣ овчины. Вырѣзать у такой семьи въ улазѣ соты нельзя, такъ какъ они переполнены дѣткою, приходится ждать, когда они освободятся изъ-подъ дѣтвы, но тогда уже и взяткъ прекратился и пчеламъ нечего уже стало взять въ полѣ и вотъ часто отъ сильныхъ семей намъ приходится вырѣзать вмѣсто меда лишь только сушь, а все потому, что пчелы приходятъ въ силу не къ главному взятку, а уже во время его. Далѣе, какъ бы пчеловодъ съ весны не старался подкармливать своихъ пчелокъ, но однимъ этимъ нельзя достичь того, чтобы всѣ семьи были одинаково хорошей силы; чтобы уравнять семьи пчелъ, для этого слабыя семьи подсиливаются молодою пчелою, или же дѣткою отъ сильныхъ семей. А самый отборъ меда въ колодномъ ульѣ какъ затруднителенъ! сколько тогда гибнетъ труженицъ пчелокъ въ меду, а также много ихъ давится при подрѣзкѣ сотовъ, отчего пчелы злятся и сильнѣй жалеть; кромѣ того, тогда возможно какъ либо нечаянно раздавить, или повредить, и матку; затѣмъ, что-бы достать медъ изъ сотовъ, соты приходится разминать, при чемъ часто не разсортировываются, а мнутся всѣ вмѣстѣ, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ сотахъ много хлѣбины, отъ чего медъ загрязняется и закисаетъ; такой медъ какъ на ярмаркахъ, такъ и вообще покупателями, цѣнится дешево, а стоило-бы только при отборѣ меда разсортировать соты, то есть отобрать всѣ потемнѣвшіе соты, а также и тѣ въ которыхъ есть хлѣбина и мять ихъ отдѣльно отъ совершенно чистыхъ сотовъ съ медомъ безъ хлѣбины. Кромѣ того, при такой пачкотнѣ легко

развивается воровство, что у насъ частенько и случается, тогда приходится слышать такіа слова: „однажды я какъ-то досадилъ сосѣду, такъ онъ, чтобы отомстить мнѣ, напустилъ своихъ пчелъ на мой пчельникъ и въ одну осень всѣхъ пчелъ похитилъ у меня, онъ заговоръ на это знаетъ, съ нимъ ничего не подѣлаешь“, правда-ли, вѣдь такъ? А если вникнуть хорошенько въ дѣло-то, то выходитъ иначе, виновать не тотъ, чьи пчелы воруютъ, а тотъ у кого онѣ воруютъ, онъ своей небрежностью на пчельникѣ развиваетъ воровство, приманивая чужихъ пчелъ разлитымъ какъ въ ульяхъ, такъ и около нихъ—медомъ. При рамочномъ же пчеловодствѣ ничего подобнаго быть не можетъ, или по крайней мѣрѣ не должно быть, такъ какъ въ нихъ отборъ меда не составляетъ никакого труда, такъ напримѣръ: вынимаются изъ улья рамки съ медомъ, пчелы смахиваются въ улей, а рамки ставятся въ особый деревянный легкій ящикъ, служащій для переноски сотовъ; рамку изъ улья пчеловодъ беретъ столько, сколько находитъ возможнымъ, то есть сообразуясь съ тѣмъ, чтобы въ ульѣ остался запасъ меда вполне достаточный на зиму пчеламъ, при выниманіи рамокъ изъ ульевъ слѣдится также, чтобы не задавить и даже не поранить ни одной пчелы, затѣмъ улей укрывается, а ящикъ съ рамками меда уносится въ избу. Если соты запечатаны, то печатка срѣзывается ножомъ и рамки ставятся въ медогонку; въ настоящее время имѣется нѣсколько различныхъ системъ медогонокъ, одні изъ нихъ на двѣ рамки, другіе же дѣлаются на четыре рамки, да ты кажется говорилъ, что видѣлъ ихъ на выставкѣ, это тѣ самыя, которыя ты называешь „машинками, на которыхъ будто-бы медъ выбрызгиваютъ“, ну вотъ, когда будутъ поставлены двѣ или четыре рамки съ сотами въ медогонку, то тогда ее приводятъ въ движеніе, то есть внутренний механизмъ, гдѣ находятся соты, начинаютъ вертѣть, отъ чего медъ изъ ячеекъ выбрызгивается довольно чисто. Когда изъ одной стороны сотовъ медъ будетъ выбрызганъ, то рамки переворачиваются второй стороной и медогонка снова вертится, пока весь медъ не будетъ выбрызганъ изъ сотовъ, тогда эти соты вынимаются, а на мѣсто ихъ снова ставятся соты съ медомъ, также распечатанные. Такимъ образомъ изъ рамочныхъ ульевъ медъ получается совершенно чистый, потому что, если въ которыхъ сотахъ и была хлѣбина, то на медогонкѣ ее изъ сотовъ не выбрасываетъ, кромѣ того и самыя соты не ломаются, а снова ставятся въ ульи и если взяткъ продолжается, то чрезъ нѣсколько дней эти соты пчелы вновь наполняютъ медомъ; съ прекращеніемъ же взятка такіе соты ставятся обратно въ ульи лишь для того, чтобы ихъ осушили пчелы отъ остающихся частицъ меда. Какъ въ первомъ случаѣ, такъ и во второмъ, въ ульи соты ставятся на ночь, это для того чтобы не вызвать на насѣкъ воровства. Осушенные пчелами отъ остатковъ меда соты изъ ульевъ вынимаются, складываются въ коробки или ящики и хранятся, какъ запасъ, до слѣдующаго года на сѣвномъ вѣтру на висячихъ полкахъ, что-бы туда не попали мыши. На слѣдующее лѣто эти соты могутъ отлично погодиться для замѣны заплѣсневѣлыхъ почему либо во время зимовки сотовъ въ гнѣздахъ пчелъ, или же на гнѣзда для роевъ, а то просто и для меда, такъ какъ во время сильного взятка въ готовые соты пчелы нанишиваютъ больше меда, потому что имъ уже не приходится строить сотовъ, значить у пчелъ сохраняется тогда часть времени, которое они и употребляютъ на медосборъ, поняль-ли? или жидкая во-здушка въ сотахъ

— Да, Тимофей Ильичъ, что ты говорилъ, то то и мнѣ кажется, что это все правда; прошлой осенью и я грѣшный рабъ обижался на Пахомыча изъ Заметалкина, чай знаешь его? такъ вотъ осенесъ какъ повадился его пчелы нападать на одинъ мой улей, такъ вѣдь чуть совѣмъ его не нарушили, ладно скоро усмотрѣлъ Николай, твой-то дружекъ, такъ заткнулъ лишніе

летки, а должею глиной обмазаль, да къ тому же и погода сдѣлалась холодная, такъ летъ-то пчель ослабѣ, а то я началъ былъ подумывать: „ну моль теперь бѣда, что либудь, Пахомычъ, обидѣлся на меня, начинаешь своихъ пчель напускать на мой пчельникъ“, а теперь какъ ты порастолковалъ мнѣ, то я и припоминаю, что когда я осенесъ около второго Спаса отбиралъ изъ этого улья медъ, то погода-то въ то время была сѣрвата пасмурная, ну пчель-то меня и доняли, я поразсердился, да вынимая сотъ изъ улья второпилъ и уронилъ его на землю, а сотъ-то былъ ужь очень медистъ, ну понятно весь и развалился; постребалъ, постребалъ кой какъ руками медъ-то, да гдѣ тутъ, съ земли развѣ соберешь; много и пчель я тогда погубилъ, ну кой какъ поотобралъ все-таки, закрылъ должею, а съ пяты-то медъ такъ и течеть, на землю, ну думаю ничего это, Богъ дастъ мой же пчельки подберутъ, а вотъ теперь я и понялъ, что тогда не Пахомычъ наслалъ своихъ пчель на мой пчельникъ, а я самъ ихъ прикормилъ. Вотъ она, темнота-то, охо-хо!

— То-то вотъ и оно, Игнатій Ивановичъ, что темнота-то все и портить, если-бы не темнота, то на свѣтѣ жилось куда-бы лучше, не даромъ и пословица говорится, что „ученье свѣтъ, не ученье тьма“. Есть такіе люди, которые всю свою жизнь изучивали пчелу и какъ она живетъ; не даромъ-же они трудились надъ этимъ, не даромъ и рамочный улей выдумали, а также и разныя машинки какъ для отбора меда изъ сотовъ, такъ и для дѣланія искусственной воцаны. Если всмотрѣться во все это хорошенько, то тогда не трудно убѣдиться, что все это сдѣлано умно, хорошо и полезно, а не какія либо „барскія затѣи“ какъ говоришь ты. Но будетъ объ этомъ, займемся-ко лучше теперь, тѣмъ, какъ приготовить пчель къ зимовкѣ.

— Да мнѣ, Тимофей Ильичъ, пора домой уже, смотри солнце какъ низко спускается, да и тебя-то я задержать; смотри, твой-то пріятель кажется уснулъ, убаюкали-же мы его своей бесѣдой.

— Онъ уже давно уснулъ, понадоѣло видно ему слушать нашу болтовню, ну пушай отдохнеть на свѣжемъ-то воздухѣ; теперь жара посвалила, по прохладнѣй стало, а ты домой уходить брать погоды, теперь не вдругъ отпусти, будешь и дома, здѣсь уже не далеко, а разъ началъ интересоваться, то слушай до конца, а не егози, мнѣ сегодня тоже нечего дѣлать, свободно, значить и поговоримъ еще.

— Ну если такъ, то будь по твоему, продолжай, я слушаю.

— То-то-же, а то изъ-за малости не стоило и начинать калякать. Такъ вотъ, подготовка пчель къ зимовкѣ въ колодномъ ульѣ состоитъ лишь въ томъ, что съ наступленіемъ холодовъ ульи обвязуются немного соломой и слава Богу, чего еще? понятно такая подготовка пчель къ зимовкѣ не тяжела и ее можно сдѣлать скоро; ну а чтобы узнать хватить-ли пчеламъ меду на зиму, нѣтъ-ли, это уже Богъ вѣдаетъ; есть ли у пчель матка и хорошая-ли, а быть можетъ ее и совсѣмъ нѣтъ, тоже не знаемъ; а это все знать очень важно, чтобы зимой о пчелахъ много не беспокоиться уже. Въ рамочномъ ульѣ все это узнать и сдѣлать можно, хотя не такъ скоро, какъ обвязать колоды соломой, но и немногимъ дольше. Приготавливаются они къ зимовкѣ такъ: въ первой половинѣ августа, то есть между вторымъ Спасомъ и Успеньевымъ днемъ всѣ ульи осматриваются, при чемъ первоначально замѣчается на многихъ-ли рамкахъ находятся пчель, чтобы потомъ имѣть возможность на такомъ же количествѣ рамокъ собрать пчеламъ гнѣздо на зимовку съ полнымъ запасомъ меда, котораго въ ульѣ оставляется смотря по силѣ семьи отъ 20 до 35 фунтовъ, чтобы хватило не только на зиму но и на всю весну; если въ нѣкоторыхъ семьяхъ меду недостаточно, а въ другихъ его оказывается излишекъ, то излишніе соты съ медомъ отбираются и

ими пополняется недостатокъ запасовъ въ прочихъ ульяхъ. Если-же все-таки и тогда которымъ либо семьямъ не хватаетъ запасовъ меда, то тогда этимъ семьямъ дается въ кормушкахъ снушенный медъ, а за неимѣніемъ его густой сахарный сиропъ, такой же самый, который дается пчеламъ при недостаткѣ корма весной, то есть изъ трехъ частей сахара и одной части воды, въ тѣхъ же самыхъ кормушкахъ, которыя ты видѣлъ на выставкѣ. Какъ медъ, такъ и сахарный сиропъ даются большими порціями, такъ, чтобы въ два—три раза дать нужное количество корма. Этакъ дѣлается потому во-первыхъ, что-бы пчель успѣли медъ или сиропъ запечатать до наступленія холодовъ, а во вторыхъ, если пчеламъ давать кормъ часто, но понемногу, то тогда они его не сложать въ запасъ, а стануть лишь на его счетъ разводить дѣтву, отъ чего получилась бы не польза, а лишь только одинъ вредъ. Кромѣ этого, тогда же разматривается у всѣхъ-ли семей есть матки и хорошия-ли, то есть всѣ-ли оплодотворенныя въ роившихся семьяхъ, а также и въ тѣхъ, у которыхъ была почему-либо смѣна матокъ. Если при осмотрѣ во всѣхъ ульяхъ оказывается, что въ пчелиныхъ ячеекахъ дѣтва расположена сплошными кружками и печатная дѣтва покрыта не выпуклою, а плоскою крышечкою и кромѣ того есть еще и яички, то все это говоритъ, что въ ульѣ матка хорошая и нѣтъ надобности тогда ее розыскивать, чтобы видѣть. Но если въ какомъ либо ульѣ, въ пчелиныхъ ячеекахъ дѣтва окажется хотя и сплошная, но крышечки ея горбатыя—выпуклыя, кромѣ того въ ульѣ замѣчается много трутней, какъ большихъ, такъ и маленькихъ, то все это указываетъ на то, что въ этомъ ульѣ матка трутневая—неоплодотворенная; такую матку надо розыскать и уничтожить, а пчеламъ дать запасную матку—плодную; если же запасной матки нѣтъ, то семья пчель присоединяется къ какой нибудь болѣе слабой семьѣ, но имѣющей хорошую матку, иначе семья съ трутневой маткой вся разливается и наконецъ погибнетъ. Точно также и тогда, если въ ульѣ дѣтва оказывается разбросанною по сотамъ и въ пчелиныхъ ячеекахъ покрыта горбатыми крышечками, а яички въ ячеекахъ лежатъ не на днѣ, а на стѣнкахъ и не по одному, а по нѣсколько штукъ въ одной ячейкѣ, то это вѣрный признакъ, что въ такой семьѣ матки нѣтъ вовсе, а червить простая рабочая пчела—трутовка. Когда пчель потеряютъ матку и имъ почему либо не удастся вывести себѣ другую, то тогда они выбираютъ изъ своей семьи двухъ—трехъ пчель, кормятъ ихъ той же пищей, какой кормили матку, отчего эти пчель начинаютъ класть яйца, но яйца эти неоплодотворенныя, а потому изъ нихъ и выходятъ лишь только одни трутни. Трутовки кладутъ яички на бока ячеекъ потому, что ихъ брюшко значительно короче брюшка матки и они не могутъ достать кончикомъ брюшка дна ячеекъ. Семья, въ которой окажутся трутовки, необходимо нужно дать запасную матку, или же присоединить къ какой либо семьѣ съ плодной маткой, въ противномъ же случаѣ такая семья неминуемо погибнетъ зимою. Такимъ образомъ всѣ семьи на зимовку приводятся въ полный порядокъ. Лишніе соты, съ медомъ или пустые изъ ульевъ вынимаются, а вставныя доски придвигаются къ гнѣздамъ; слѣдовательно на зиму гнѣзда уменьшаются, кромѣ того по наступленіи холодныхъ утрениковъ, свободное по-за вставнымъ доскамъ пространство заполняется мохомъ, сѣномъ, сухимъ древеснымъ листомъ и т. п., а поверхъ гнѣздъ на рамки кладутся подушки изъ тѣхъ же матеріаловъ, или же соломенныя маты. Когда же начнутъ холода, приблизительно около второй половины октября, тогда ульи съ пчелами сносятся на зимовку въ овинъ, сарай, погребъ, подполье, или въ какое либо другое свободное помѣщеніе, но что-бы они обязательно были сухи, безъ всякаго рѣзкаго запаха и что-бы во время зимы пчель ни кто не могъ-бы беспокоить. Вотъ и вся премудрость приго-

товления пчелъ къ зимовкѣ, и если онѣ будутъ такъ устроены, то пчеловодъ зимою о своихъ пчелкахъ можетъ и не беспокоиться, лишь только изрѣдка слѣдуетъ наблюдать, чтобы пчеламъ не было душно и чтобы ихъ не тревожили мыши. Если подходящаго для зимовки пчелъ помѣщенія нѣтъ, то тогда можно оставить ихъ и на волѣ, но въ такомъ случаѣ при сборкѣ гнѣздъ на зимовку, пчеламъ слѣдуетъ оставлять меда на нѣсколько фунтовъ больше. Такъ вотъ, Игнатій Ивановичъ, теперь и разсуждай самъ, который изъ ульевъ лучше, колодный или же рамочный. Колодный улей для пчеловода то же, что для неграмотнаго книга; видить, что въ которомъ либо ульѣ пчелы плохо работаютъ и не знаетъ самъ почему это, да отчего. Нѣтъ братъ, ты какъ тамъ хотишь, а я совѣтовалъ бы тебѣ завести на пробу улеекъ, другой рамочныхъ, надѣюсь, что послѣ не раскаешься, а спасибо мнѣ скажешь, да и Николай то у тебя любить пчелъ, у васъ дѣло пошло бы.

— Да ты своими разсказаньями и впрямь соблазнишь меня, старика; придется на старости лѣтъ снова учиться пчеловодству.

— И дай Богъ въ добрый часъ. Ну, а скажи, Игнатій Ивановичъ, какъ ты теперь думаешь, лучше или нѣтъ рамочный улей колоднаго-то?

— А кто его знаетъ, какъ ты толковалъ, то какъ будь бы и лучше, да намъ гдѣ съ ними возжаться, мы вѣдь къ нимъ не привыкли, а съ колодой то съизмалѣтства водимся.

— Такъ-то оно такъ, да вѣдь и къ сохѣ-то ты тоже не былъ привыченъ, а вѣдь научился же вотъ ходить за ней и теперь поди не хуже всякаго папашень; точно также научишься ходить и за пчелами въ рамочныхъ ульяхъ, было бы только желаніе, да любовь къ дѣлу. Вотъ и я тоже недавно поначуился немного какъ слѣдуетъ обращаться съ пчелами вообще и въ рамочномъ ульѣ въ особенности и теперь, слава Богу, моя пасѣка потихоньку растетъ и ежегодно даетъ мнѣ хорошенькое подспорье въ хозяйствѣ, что ты вѣдь и самъ знаешь, а помнишь ранѣе, при покойномъ батюшкѣ, сколько лѣтъ мы имѣли пчелъ, а почти никогда меда не продавали, только когда развѣ сами не много побалуемся. Такъ вотъ думай да благословясь и заводи, къ тому же и я недалеко отъ тебя живу, всегда буду радъ что-либо помочь тебѣ.

— Спасибо, другъ, спасибо, не оставь, быть можетъ и надумаю. Однако мнѣ надо тащиться къ дому, тамъ меня заждались люди; обѣщаль еще вчера вернуться, да вотъ и позаболтался. Ну прощай! Спасибо за совѣтъ. Заглядывай къ намъ когда тебѣ свободно, потихоньку будемъ учиться.

— Благодарю, какъ нибудь побываю. Дѣло-то братъ у меня одинокое и дома и въ полѣ надо, а все одинъ, ну да какъ нибудь зайду же.

— Приходи, приходи, ну а пока до пріятнаго свиданія, Тимофей Ильичъ.

— До свиданья, Игнатій Ивановичъ, счастливо дай Богъ.

Павель Александровичъ, вставай, смотри лихорадки напишешь, отецъ-то Николая уже ушелъ, будетъ спать-то! началъ трясти меня Тимофей Ильичъ.

— Да я еще только думаю спать то, сказала я, поднявши голову и опершись на локти, а то все время слушала ваши лекціи.

— Какъ! Неужели у тебя хватило терпѣнія слушать нашу болтовню?

— Нѣтъ, напротивъ, для меня это было интересно.

— А что, какъ ты думаешь, старикъ-то, какъ-жъ заинтересовался пчеловодствомъ въ рамочныхъ ульяхъ?

— Да, но онъ старался это скрыть. Но насколько я его понялъ, то мнѣ думается, что онъ не замедлитъ испробовать. Жаль, что Николая не было съ нами, тогда-бы бесѣда у васъ получилась еще интереснѣй.

— Ну, нѣтъ братъ, вотъ тогда-то именно ничего-то бы и не получилось. Старикъ вѣдь иногда сильно ругаетъ Николая за то, что тотъ ходитъ ко мнѣ и если-бы онъ засталъ Николая съ нами, то, вѣроятно, сейчасъ-же бы проводилъ его домой, а мнѣ даль бы какой нибудь намекъ вродѣ: „ты молъ самъ-то какими угодно пустяками занимайся, а только другихъ-то этому учить не слѣдуетъ“, правда вѣдь? А теперь смотри, какъ у насъ сошло отлично.

— Да пожалуй, что это и вѣрно; однако-же и мнѣ надо идти во свояси, сказала я поднимаясь съ травы, долго же я сегодня засидѣлся у тебя, но зато и понаслушался же всего.

— А что посиди, еще усидѣшь, тебя вѣдь дома-то вѣроятно не шибко ждуть, знають, гдѣ пропадаешь.

— Успокоился, спасибо, а теперь пошелъ.

Идя домой, Игнатій Ивановичъ думалъ: „какъ это такъ, неужели и въ самомъ дѣлѣ на старости лѣтъ мнѣ придется учиться пчеловодству у молодыхъ ребятъ? Да никакъ придется видно. Все, что говорилъ Тимофей, то кажется правда и куда лучше того, какъ мы ведемъ пчелъ. Къ тому же и Колюха-то у меня больно охотится развести рамочный-то улей; онъ вѣдь частенько, воровски отъ меня, бѣгаетъ къ Тимофею, дружки они съ нимъ.“

А вотъ опять два года тому назадъ, Колюха сталъ просить меня: давай тятя посѣемъ въ огородѣ клеверу, а картошку въ полѣ посадимъ; это онъ о полѣ травосѣянія еще въ школѣ слышалъ. Ну, думаю, дай потѣшу парня, досталъ въ управѣ сѣмянъ клевера, посѣялъ въ огородѣ вмѣстѣ съ овсомъ, а картошку посадилъ въ полѣ и что вѣдь? вышло хорошо, но первый годъ клеверъ былъ не великъ, но зато изъ овсяной соломы получилась хорошая кормъ, прошлое лѣто получилъ два укуса, да еще какихъ, а сѣно-то, сѣно-то, чего стоитъ овса не надо лошадымъ-то, вотъ вѣдь оно что, даромъ что трава, а теперь опять подика ужъ какой, скоро косить посидѣть. Картошка-то въ полѣ тоже куда лучше растетъ, нежели въ огородѣ, хотя нѣсколько помелче, ну да это ничего, зато ужъ чистая, разсыпчатая, вкусная, а въ огородѣ родилась хотя и покрупнѣй, но какая то коростоватая да жидкая, невкусная“. Разсуждая такъ, Игнатій Ивановичъ незамѣтно подошелъ къ своей деревнѣ. Солнце, уже закатилось, когда онъ подошелъ къ своему дому. На встрѣчу Игнатію Ивановичу курчавый мальчуганъ лѣтъ пяти—шести.

— Дѣдушка, дѣдушка дай гостинку!

— На, на, шалунъ ты отакій, — сказала Игнатій Ивановичъ, подавая внучку двѣ баранки. — А гдѣ отецъ-то?

— А вонъ тамъ въ огородѣ.

Ну я такъ и зналъ, сказала про себя Игнатій Ивановичъ, снмая съ плечъ котомку и кладя еѣ на крыльцо дома. И охотникъ же у меня Колюха до пчелъ-то: когда пріѣдетъ изъ поля, ужъ кажется устанетъ, гдѣ бы отдохнуть надо, онъ нѣтъ, уберетъ лошадокъ, а самъ къ пчеламъ и охота-же ему. Видно, дѣлать нечего, надо его уважить, завести улеекъ-другой рамочныхъ-то, пуцай въ свободное время любитъся. Тимофей въ этомъ намъ поможетъ; онъ оказывается славный малый, простякъ, хотя я ранѣе его недолюбливалъ за то, что онъ все настраивалъ Николая къ рамочнымъ ульямъ.

Войдя въ огородъ, Игнатій Ивановичъ замѣтилъ сына, который подходилъ то къ одному улью, то къ другому, наклонится къ улью послушаетъ, а потомъ идетъ къ слѣдующему.

— Ну что Колюхъ, аль пчелъ осматриваешь?

— Да тятя, а ты что больно долго? мы вчера тебя къ вечеру ждали,

а ты и сегодня-то лишь только къ самой ночи пришелъ. Ну благополучно ли сходилъ? Рассказывай, что видѣлъ на выставкѣ-то?

Игнатій Ивановичъ началъ подробно излагать сыну свое путешествие, но умолчалъ о томъ, что заходилъ къ Тимофею Ильичу. Николай слушалъ отца съ напряженнымъ вниманіемъ; его глаза искрились, какъ будто онъ въ это время испытывалъ какое либо сильное удовольствіе; отъ отца это не ускользнуло и по окончаніи разсказа онъ прибавилъ:

— А знаешь что, я по дорогѣ заходилъ къ Тимофею. Ужь больно онъ расхваливаетъ рамочки-то, не завести-ли намъ съ тобой хотя парочку такихъ-то, не попробовать-ли?

Николай даже первоначально не вѣрилъ своимъ ушамъ, онъ подумалъ: правда-ли это, не ослышался-ли онъ? Или же отецъ подшучиваетъ надъ нимъ. Вѣдь отецъ всегда былъ противъ пчеловодовъ, которые водятъ пчелъ въ рамочныхъ ульяхъ, и сколько я его ни просилъ завести хотя одинъ улей, но все напрасно, а теперь вдругъ надумалъ. Видно выставка-то подѣйствовала же на него, или же Тимоха-то его соблазнилъ, съ быстротой молніи пролетѣли всѣ эти мысли въ головѣ Николая!

— Ну что очумѣлъ-то, аль ужъ пропала охота-то къ рамочнымъ ульямъ? А раньше все ворчалъ, чтобы я купилъ хотя одинъ улей на пробу.

Нѣтъ, тятя, охота-то не пропала, но мнѣ думается что ты смѣешься надо мной. Потому что когда я раньше просилъ тебя завести рамочный улей, то ты всегда изрядно ругалъ меня за это, говоря чтобы я „не выдумывалъ пустяки“, да и на Тимоху сердился за то, что тотъ мнѣ по праздникамъ все показываетъ на своемъ пчельникѣ, да учитъ какъ надо ухаживать за пчелами, а теперь ты вдругъ надумалъ.

— Нѣтъ, братикъ, не смѣйся, а говорю правду. Въ воскресенье мы съ тобой пойдемъ къ Тимофею и куплю у него парочку рамочниковъ, тамъ онъ намъ и растолкуетъ все, а потомъ пригласимъ его къ себѣ и онъ намъ пересадитъ пчелъ изъ колоды въ рамочные ульи? Ну, доволенъ-ли? А теперь пойдемъ ужинать, насъ тамъ ждутъ вѣдь.

Николай отъ радости едва удержался, чтобы не подпрыгнуть какъ мальчику.

Въ воскресенье послѣ обѣдни Игнатій Ивановичъ, поивши чаю вмѣстѣ съ Николаемъ, сняли съ тарантаса корзинку, запрягли въ дроги гвѣдка и поѣхали къ Тимофею Ильичу.

Тимофей Ильичъ уже зналъ, что у него будутъ гости. Въ церкви за обѣдней Николай успѣлъ шепнуть ему о рѣшеніи своего отца завести рамочные ульи. Тимофей Ильичъ былъ радъ, что наконецъ то ему удалось разубѣдить законсѣлага въ старинѣ Игнатія Ивановича, а потому онъ съ нетерпѣніемъ и поджидалъ ихъ пріѣзда.

Вдали по дорогѣ пекалась пыль. Тимофей Ильичъ узналъ лошадь Николая Ивановича и поспѣшилъ пройти на свой пчельникъ, что бы поскорѣй завлечь своихъ гостей туда же. Здѣсь онъ усѣлся на скамейку подъ кужлявой липой, въ ожиданіи прихода гостей, которые не замедлили явиться. Игнатій Ивановичъ шелъ впереди, на немъ былъ черный суконный длиннополый съ борами кафтанъ, красная кумачевая рубаха, сѣрая войлочная шляпа и тѣ же большіе кожаные сапоги, въ которыхъ онъ шелъ изъ города съ выставки. Николай шелъ сзади отца, онъ былъ одѣтъ въ сѣрый матерчатый пиджакъ, черный картузъ съ свѣтлымъ козырькомъ, бѣлую клѣточками рубашку, низко подпоясанную поясомъ, большія кисти котораго висѣли чуть ли не до колѣна и кожаные-же съ высокими каблуками сапоги, голенища которыхъ были „съ наборами гармоникой“.

— Э, Игнатій Ивановичъ и Николай Игнатъичъ! Какими это судьбами? Очень радъ, вотъ не ожидалъ!—сказалъ Тимофей Ильичъ, здороваясь съ Игнатіемъ Ивановичемъ и Николаемъ.—Ну пойдемте въ избу чай пить.—Говорю все это, Тимофей Ильичъ старался не выказать Игнатію Ивановичу что цѣль его пріѣзда ему уже известна.

— Нѣтъ, спасибо, мы чаю не хотимъ, только что пили дома. Мы вѣдь къ тебѣ не въ гости пріѣхали, а по дѣлу. Боюсь, что и въ правду прозовешь меня старовѣромъ, а потому рѣшился завести парочку рамочныхъ улейковъ на пробу, да вонъ и Николаю-то больно ужъ хочется, а все вѣдь ты намянилъ, теперь вотъ братъ и учи какъ хотишь.

— Учить такихъ, какъ твой Николай, можно, потому что онъ знаетъ чуть-ли уже не побольше моего, такъ какъ мы съ нимъ потихоньку отъ тебя уже давно занимаемся съ пчелками. Итакъ, значить, чай пьемъ послѣ, а теперь пойдемъ къ пчеламъ. Ну-ка Колюха, разводи дымарь, вотъ на тебѣ и спички, а я схожу за сѣткой для Игнатія Ивановича.

На пчельникѣ слышалось веселое жужжаніе пчелокъ, бойко летавшихъ въ воздухѣ—они словно радовались посѣтителемъ. Нѣсколько разъ пчелки пролетали около самого уха Игнатія Ивановича, который тогда робко сторонился, боясь ужалевій.

Николай, доставъ изъ рядомъ стоявшей амбарушки дымарь, наклалъ въ него трухляваго (гвилого, ситоваго) дерева и зажгъ.

— Вотъ такой-же дымарь я и на выставкѣ видѣлъ,—сказалъ Игнатій Ивановичъ,—ну-ка Николай дай его сюда я попробую—дымить-ли. Ого какъ здорово садитъ, даромъ что не великъ!

— На вотъ тебѣ Игнатій Ивановичъ и шляпу съ сѣткой, надѣвай-ка налезѣть-ли? сказалъ Тимофей Ильичъ, возвращаясь съ сѣткой.

— Налѣзетъ, я вѣдь не очень большоголовый, А вы-то какъ, развѣ безъ сѣтокъ? Ахъ храбрецы! ну смотрите что-бы васъ не изжалили-бы.

— Нѣтъ, мы съ Колюхой давно сѣтки забросили, такъ работаемъ. Ну-ка, Колюхъ, подкури „Богатыря“ залянемъ къ нему съ визитомъ, посмотримъ, что онъ подѣлываетъ.

Николай направился къ стоявшему недалеко отъ липы улью, на которомъ красовался № 7-й, и пустивъ въ улей одинъ—два клуба дыма, началъ снимать съ улья крышу. Отъ попавшаго въ улей дыма пчелы первоначально сильно загудѣли, но спустя минуту этотъ гулъ стихъ совершенно.

— Ну-те-ка ребятки, который нибудь изъ васъ завяжите мнѣ рукава-то, а то пожалуй туда набьется пчелъ.

Николай и Тимофей расхохотались.

— Вотъ такъ пчеловодъ, не подать-ли халатъ да рукавицы? Сказалъ смѣясь Николай, снимая съ улья соломенный матъ. Ты, тятя, иди сюда вотъ, ко мнѣ, и противъ летка не стой, пчеламъ летать мѣшаешь, онѣ отъ этого могутъ разсердиться и начать жалить.

Игнатій Ивановичъ повиновался.

Слегка отогнувъ холстъ, Николай пустилъ подъ него струю дыма, а затѣмъ отогнувъ еще нѣсколько холста, отодвинулъ вставную доску (доска эта служитъ въ ульѣ для уменьшенія или увеличенія гнѣзда, смотря по надобности) отъ рамокъ къ стѣнкѣ улья, досталъ потихоньку первую рамку, стараясь что бы не поранить ни одной пчелы. Пчелы, бѣгая по соту, собирались въ одну кучку, а другія воткнувши головки въ ячейки пили медь.

— Ну вотъ тятя, смотри теперь, да и разсуждай самъ, что лучше—колада-ли, или же рамочный улей.

Тимофей Ильичъ любовался надъ работой своего ученика Николая, который съ замѣчательной ловкостью доставалъ рамки изъ улья и осматрѣв-

ши, также аккуратно ставил ихъ обратно въ улей, а Игнатій Ивановичъ съ удивленіемъ смотрѣлъ, что ни одна пчела не выказывала намѣренія ужалить кого либо изъ нихъ за причиненное безпокойство, не смотри на то, что нѣкоторыя пчелки сажались на лицо и шею какъ Николая, такъ и Тимофея Ильича. Удивляло его также и хладнокровіе Николая, съ какимъ онъ разбиралъ гнѣздо.

— Тятя, смотри иди, во-де матка. Э, какая красавица. Вотъ смотри, да потихоньку не вытолкни у меня сотъ то, ты ужъ больно сильно ворочаешься, а вотъ на этомъ ребрѣ сота и мисочка заложена, да и не одна, вотъ еще. Посмотримъ пустягъ онѣ, или же что есть въ нихъ, при этомъ Николай приподнял рамку къверху, что бы удобнѣе можно было разсматривать. Ага, только что выключившіеся изъ ячеекъ червячки или личинки. Вотъ тятя смотри, наклонись немного, виднѣя будетъ. Видишь-ли теперь?

— Вижу, вижу, маленькія червячки, какъ будто завязли въ какой-то бѣлой кашницѣ.

— Это кормъ, которымъ питаются червячки матокъ, онъ выдѣляется пчелами изънутри себя въ видѣ молочка. Вотъ эти маточники приблизительно чрезъ 5¹/₂ сутокъ пчелы запечатываютъ крышечкой. Вскорѣ послѣ запечатанія маточниковъ, если погода не помѣшаетъ, этотъ улей будетъ роится со старой маткой, именно вотъ съ этой, которую ты сейчасъ видѣлъ. Слѣдовательно, теперь можно навѣрняка сказать, что изъ этого улья чрезъ недѣлю будетъ рой первакъ. Въ запечатанномъ видѣ матки бываютъ 7¹/₂ сутокъ, и вотъ если эта семья надумаетъ роиться вторично, то на 7-й день послѣ отхода первака бываетъ слышно въ ульѣ пѣніе молодыхъ матокъ. Та матка, которая выйдетъ впередъ, слышитъ, что въ ульѣ есть кромѣ нея еще другія матки, сердится и издаетъ звукъ вродѣ „тю, тю, тю...ю“, бѣгая въ тоже время по сотамъ, стараясь добраться до маточниковъ, что бы уничтожить находящихъся въ нихъ матокъ, но пчелы не даютъ ей этого сдѣлать охраняя матокъ, въ маточникахъ, которыя открывъ нѣсколько маточники и слыша голосъ вышедшей матки, не рѣшаются покидать своихъ ячеекъ и также сердятся, издавая звукъ болѣе глухой, похожій какъ бы „куа, куа, куа“. Подобное пѣніе матокъ служитъ вѣрнымъ признакомъ выхода вторака, если не сегодня, то не поздиѣе какъ завтра.

— Ай-да молодецъ, Колюха! воскликнулъ Игнатій Ивановичъ, когда же ты успѣлъ постичь всю эту премудрость? А и вѣдь думалъ, что пчелы высиживаютъ матокъ на меду, такъ напримѣръ: если медъ собранъ съ смородины, то выведенная на немъ матка бываетъ помелче, черная, даже блестящая, такую матку мы называемъ „смородиновка“, а если медъ собранъ съ малины, то выведенная на немъ матка бываетъ, нѣсколько крупнѣй „смородиновки“ и сѣроватаго цвѣта, называется она „малиновкой“.

— Ну, а знаешь-ли тятя, отъ чего ваша „смородиновка“ меньше „малиновки“?

— А кто ихъ знаетъ отъ чего.

Вотъ то-то и плохо-то, что не знаешь. Никакихъ „смородиновокъ“ и „малиновокъ“ матокъ нѣтъ; пчелы высиживаютъ матокъ не на меду, какъ ты думаешь, а изъ ячеекъ которыя кладетъ матка въ мисочки, то есть начатки маточниковъ, а затѣмъ изъ ячеекъ чрезъ три дня выходятъ червячки, которыя ты сейчасъ видѣлъ въ маточникахъ. Свѣтло-черныя матки, это старыя, потерявшія отъ времени волосики, которыми бываетъ покрыто тѣло матокъ, такъ равно и пчелъ и трутней а матки сѣроватаго цвѣта это болѣе молодыя, у которыхъ волосики еще не утеряны, почему онѣ кажутся какъ бы сѣроватыми и крупнѣе.

Ну что, Игнатій Ивановичъ, правда-ли что Колюха знаетъ толкъ въ

пчелахъ, чуть-ли не побольше моего, сказала Тимофей Ильичъ, а смотри какъ онъ аккуратно работаетъ, дѣляга пареня! онъ сумѣетъ развить пчеловодство, теперь прощай твои колодки, видно согрѣшили онѣ, да и ты что-то жадно поглядываешь на работу Николая, по глазамъ вижу что тебѣ такъ и хочется что либо помочь ему. Ни какъ и тебѣ начинать нравится рамочникъ-то?

— Да вы съ Николаемъ опутали меня старика. Приходится сознаться, что рамочный улей не чета нашей колодѣ, все какъ на ладони видно, чего ужъ лучше, что хорошо, такъ хорошо.

— А ну ка, Николай, дай Игнатью Ивановичу вынуть изъ улья рамку или двѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, на-ко тятя попробуй, поучись впередъ здѣсь, а потомъ ужъ Богъ дастъ и дома станемъ помаленьку учиться, только осторожнѣй вынимай, старайся такъ, чтобы при выниманіи ребра рамки не задѣвали-бы за стѣнки улья, а то иначе можешь подавить пчелъ. Берись обоими руками за верхнюю линейку рамки и легонько отодвинь ее къ осмотровымъ мною рамкамъ, а потомъ уже и вынимай. Ну-на принимайся.

— Ну, стотрите, ребята, что-бы мнѣ тутъ у васъ чего-либо не набѣдокурить, сказалъ Игнатій Ивановичъ, вставая на мѣсто, гдѣ стоялъ Николай.

— Ничего, ничего, только поосторожнѣй, посмѣлѣй, тятя, такъ, такъ вынимай теперь, отлично; теперь что-бы осмотрѣть вторую сторону сота, то лѣвой рукой держи посрединѣ верхней линейки, а правой рукой поддержи-вай снизу посрединѣ нижней линейки, вотъ такъ. Тогда можно рамку перевертывать къ себѣ какой угодно стороной. Не-забывай вотъ только одного, что если рамка полна меда, или даже дѣтвы, то ее не слѣдуетъ наклонять такъ, что-бы сотъ плоской стороной находился къ землѣ, потому что тогда сотъ легко можетъ оборваться и вывалиться изъ рамки, поэтому-то и надо рамку перевертывать такъ, что-бы сотъ къ землѣ былъ ребромъ. А ты тятя видывалъ-ли яички, которыя несетъ матка.

— А гдѣ мнѣ милый видывать-то, ты вѣдь знаешь, что я въ ульи заглядываю только два разъ въ годъ: весной-чтобы подчистить соръ и убрать мертвыхъ пчелъ, да еще около второго Снаса, когда отбираю медъ, а больше никогда не тревожу.

— Ну такъ дай-ко сюда рамку съ сотомъ то, я тебѣ ихъ покажу, вотъ смотри, видишь на днѣ ячеекъ маленькія бѣленькія палочки—это и есть яички. По краямъ сота яички находятся въ стоячемъ положеніи—это однодневные; а далѣе, немного наклонившись, этимъ около двухъ дней; а еще ближе къ срединѣ сота находятся уже въ лежачемъ положеніи, этимъ яичкамъ около трехъ дней и изъ нихъ сегодня же должны будутъ выйти червячки, такіе же, какіе видны вотъ здѣсь. Эти червячки, или иначе ихъ называютъ, личинками, растутъ шесть дней, а потомъ ихъ пчелы запечатываютъ; въ запечатанномъ видѣ пчелки развиваются одиннадцать дней, послѣ чего выходятъ уже молодыя пчелки, смотри вотъ двѣ вылазятъ, онѣ теперь совсѣмъ еще сѣроватая и едва смогаютъ ползать по соту; вотъ теперь пчелки ихъ чистятъ и даютъ имъ корму. Ну теперь не забывай, что съ того дня, когда матка положитъ яичекъ въ пчелиную ячейку и когда пчелка созрѣетъ и выйдетъ изъ ячейки проходитъ около 20 дней. Трутни развиваются почти также: чрезъ три дня изъ яичка выходитъ червячекъ, который растетъ шесть дней, послѣ чего запечатывается; въ запечатанномъ видѣ находится около 15 дней, поэтому онъ появляется на свѣтъ Божій послѣ снесенія яичка. Трутневая дѣтва покрывается горбатой крышечкой, вотъ этой самой смотри внизу сота, а пчелиная дѣтва плоской и находится въ болѣе мелкихъ ячейкахъ нежели трутневая. Ну-да объ этомъ мы поговоримъ съ тобой послѣ дома, а теперь вѣроятно и Тимофею Ильичу понадобли

своей болтовней. Что братъ дѣлать, потерпи немного, взылся за уэль, такъ не говори, что не дюжъ" говорить словница, зато смотри какого славнаго сѣдобородаго ученика приобрѣлъ.

Нѣтъ, зачѣмъ надобли, я очень радъ, продолжайте осматривать, мнѣ интересно смотрѣть на Игнатія Ивановича. Это Николай уже твой ученикъ и я жалю что ты завладѣлъ имъ; ужь очень сильно онъ интересуется твоими уроками. Мнѣ такъ и думается что онъ, сбросивши старинку, серьезнѣй твоего займется пчелами, потому что тебѣ надо то въ поле, то на дуга, а онъ теперь свободный, копаются съ Митяйкой въ пчелахъ-то. Жаль что я своего покойнаго отца раньше никакъ не могъ разубѣдить въ пользѣ рамочныхъ ульевъ. Крикнетъ бывало: „молчи, хуже нашего что-ли дѣды-то знади, а вы молокососы еще учить вздумали“. Ну, а теперь одному тоже трудновато, иногда кой что приходится и упускать на пчельникѣ-то.

— Да ты, Тимофей Ильичъ правду говоришь, полевая работа мнѣ старику не по силамъ стали, да съ нимъ и Николай съ женой славно справляются, а мы со старухой около дому что приберемъ да поудѣлаемъ, оно хозяйство-то и хорошо идетъ. А рамочники-то мнѣ и впрямь понравились, недаромъ ты этта такъ расхваливалъ.

— Теперь ты, Тимофей Ильичъ, уже самъ покажи другія семьи, пушай посильнѣй увѣрится въ правдивости нашихъ словъ, сказалъ Николай, уставляя рамки въ ульѣ и закрывая его. Ну, а какъ тятя твои руки, небось сильно изжалили пчелы, да и въ рукава подо поналѣзли?

— А ты буде не смѣйся, а то смотри не буду и рамочниковъ покупать.

— Э, братъ, теперь купишь. Я видѣлъ, что они тебѣ больше моего понравились. Ну-съ, теперь двигаемся дальше. На, тебѣ Тимофей Ильичъ, дымарь и командуй, а мы съ тятей будемъ глядѣть.

— А что въ самомъ дѣлѣ, Тимофей Ильичъ, твои пчелы куда смириѣй нашихъ; вотъ вы, я видѣлъ, по вамъ ползали пчелы, а ни одна не ужалила ни котораго, а наши пчелы безъ сѣтокъ-то угнали бы давно отъ улья-то. Отъ чего это, а?

— Отъ того, что мы съ Николаемъ молитву знаемъ, поэтому онѣ насъ и не покусали, да кажется и твои руки цѣлы, неужалены? а молитва эта заключается вотъ въ этомъ дымарѣ. Прежде чѣмъ потревожить пчелъ, въ улей нужно пустить дыму, пчелы же слышавъ въ ульѣ запахъ дыма, пугаются и поэтому спѣшатъ набраться меду, послѣ чего становятся какъ бы миролюбивѣе, тогда улей можно открывать свободно, но осторожно, стараясь не дѣлать рывкихъ толчковъ и движеній, не опасаясь быть ужаленнымъ, хотя иногда случается, что одна двѣ пчелки и ужалятъ, но это не бѣда, а за то безъ сѣтки много лучше работать, и не такъ жарко. Вотъ тебѣ и весь секретъ того, почему тебѣ мои пчелки кажутся смириѣе твоихъ. Погоди, будете съ Николаемъ работать дома съ пчелами, то тогда увидишь что и твои пчелы такія же смириыя какъ и мои. Иногда не слѣдуетъ открывать ульевъ безъ дыма, такъ какъ тогда потревоженные пчелы яростно бросаются жалить, а потому много ихъ тогда гибнетъ, да и самая работа бываетъ не очень то приятна. Въ улей дыму пускать много не слѣдуетъ, достаточно первоначалью пустить въ летокъ одинъ или два клуба, а затѣмъ при осмтрѣ гнѣздъ пользоваться дымомъ также умѣренно, лишь только по мѣрѣ надобности; не надо забывать, что дымъ пчеламъ, также какъ и человѣку, неприятенъ.

Осмотрѣвши еще нѣсколько ульевъ, Тимофей Ильичъ пригласилъ своихъ гостей къ себѣ въ избу.

— Теперь пойдете ко мнѣ въ хату попить чайку, тамъ еще погово-

ривъ кой о чемъ; самоваръ вѣроятно уже готовъ и ждетъ насъ, такъ какъ я, ходивши за сѣткой наказалъ женѣ что-бы она его приготовила и такъ пойдете же.

— А вотъ что, Тимофей Ильичъ, здѣсь пожалуй было бы лучше пить чай, вотъ подъ этой липой, въ тѣни, а то въ избѣ жарко будетъ, смотри какъ солнце печетъ, а въ душно стало, сказалъ Николай, ложась на траву подъ липой.

Игнатій Ивановичъ сѣлъ на скамейку тутъ же подъ липой.

— И то правда. Ну и молодецъ же Колюха, живо догадается, что по-лучше. Мы съ нимъ частенько здѣсь подъ этой липой чаевничаемъ. Сейчасъ сюда принесу столъ и расположусь, тогда будетъ отлично.

Черезъ нѣсколько минутъ Тимофей Ильичъ вернулся, неся на головѣ небольшой столъ, поддерживая его лѣвой рукой, а въ правой рукѣ два стула; за нимъ его жена, женщина лѣтъ 25, несла самоваръ.

— Извините, Марья Николаевна, за беспокойство, — сказалъ Игнатій Ивановичъ, приподнимая свою войлочную шляпу, — небось не ожидали гостей, а все виноватъ Тимофей Ильичъ, онъ меня старика соблазнилъ своими рамочными ульями; такъ вотъ на старости лѣтъ хочу и я поучиться, ужь не обезумѣйте за беспокойство.

— Что это, Игнатій Ивановичъ, полно извиняться-то; мы съ Тимофеемъ очень рады такимъ гостямъ, сказала жена Тимофея — Марья Николаевна, ставя самоваръ на столъ и здороваясь съ Игнатиемъ Ивановичемъ и Николаемъ. Тимофей пришедши изъ села сказывалъ мнѣ, что сегодня къ нему собираются

Игнатій Ивановичъ удивился. Откуда это могъ узнать Тимофей о его намѣреніи? Неужель-же Николай унѣлъ ему передать это за обѣдней? Да кажется некогда было.

Видя недоразумѣніе Игнатія Ивановича, Тимофей и Николай расхохотались.

Столъ уже былъ приведенъ Марьей Николаевной въ порядокъ, самоваръ усиленно пускала пары и пофыркивала, точно гордясь тѣмъ, что усѣлся всѣхъ повыше. Всѣ усѣлись за столъ и занялись чаепитіемъ.

За чаемъ бесѣда пошла опять о преимуществахъ рамочнаго улья противъ колоднаго. Даже Марья Николаевна ратовала за рамочный улей. Если-бы не пчелы, да нерабочные ульи, то намъ съ Тимофеемъ плохо-бы пришлось, сказала она, а теперь слава Богу живемъ не хуже всякаго, оброкъ всегда впередъ богатыхъ-то еще уплатимъ, да и по хозяйству-то ничѣмъ не маемся, а все пчелки помогаютъ, а то гдѣ-бы на одной землѣ, да безъ рабочихъ рукъ такъ-бы жить, одинъ-то въ полѣ скоро упрыгаешься, а у меня стряпня, да ребятинки, къ тому же и скотину надо устроить, такъ вотъ когда на рабочее-то время и принимаемъ рабочаго человѣка. А вѣтъ мой батюшка тожъ давно держитъ пчель-то, но все въ колодцахъ, такъ что пользы-то никакой и нѣтъ отъ пчелъ, что около осеви по-налезать, то тутъ-же между ребятинками подѣлится, въ рѣдинной годъ пудикъ-то соберетъ, а мы съ Тимофеемъ почитай каждый годъ почти по пудикъ съ улья кругомъ получаемъ, вотъ какая разница-то. Пытаемъ-бы оба съ Тимофеемъ говорить батюшкѣ что-бы завелъ рамочныя ульи, да все говоритъ „некогда мнѣ съ ними возжаться-то“. За то ни чего вѣдь и не получаетъ отъ своихъ пчелъ, да и на сѣка-то годъ отъ года все меньше и меньше становится.

Наконецъ Игнатій Ивановичъ сталъ просить Тимофея Ильича, чтобы онъ продалъ ему одинъ или два рамочныхъ улья.

— Такъ какъ-же Тимофей Ильичъ, ты намъ хотя одинъ пустой рамочный уступи, а если можно то и два давай; мы нарочно на дрогахъ прѣхали

сейчасъ-же и увеземъ ихъ, а тамъ какъ нибудь на свободѣ ты намъ помо-
жешь пересадить въ нихъ пчелъ изъ колоды-то, такъ-ли?

— Очень радъ, Игнатій Ивановичъ, согласенъ и парочку уступить,
„для милаго дружка и сережка изъ ушка“ говоритъ пословица, такъ и я,
видалъ уже потѣшить дружка, а пчелъ вы съ Николаемъ и безъ меня пере-
садите, но все же не утерплю, приду посмотрѣть на вашу работу. Когда же
вы думаете пересаживать пчелъ?

— Да если тебѣ свободно, то хотя завтра приходи, такъ какъ чѣмъ
скорѣе это сдѣлаемъ, тѣмъ лучше, такъ-ли тятя?

— Отчего не такъ, понятно чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. А теперь Ни-
колай, пожалуй къ дому пора намъ двигаться, и то смотри чуть не полдня
выгостили. Еще разъ извините за беспокойство, Марья Николаевна, просимъ
милости къ намъ отгасивать, сказала Игнатій Ивановичъ, вставая со скамьи
и подавая хозяйкѣ руку. Николай послѣдовалъ его примѣру.

— Ну ужъ извините, наше угощеніе маленькое, вамъ спасибо за по-
сѣщеніе,—сказала Марья Николаевна, убирая со стола чайную посуду.

— Да посидѣли-бы еще, Игнатій Ивановичъ, куда торопиться-то, сего-
дня праздникъ, не въ поле вѣдь ѣхать.

— Такъ-то оно такъ, Тимофей Ильичъ, да вѣдь посидать, да и домой
ходить, а мы вѣдь почитай въ обѣдъ прѣхали, а теперь смотри солнце-то
къ закату движется. Спасибо, братъ, за твое радушіе, ко мнѣ прошу отга-
щивать. Теперь пожалуйста дай намъ улейки-то, которыя у тебя окажутся
лишними.

— А вотъ пойдемте сюда, въ поднавѣсъ, пушай Николай самъ выби-
раетъ какіе ему понравятся, онъ въ нихъ уже отлично знаетъ толкъ,—ска-
залъ Тимофей Ильичъ подводя гостей къ большому поднавѣсу, гдѣ кромѣ
телѣги, сохи и бороны, видѣлось нѣсколько рамочныхъ ульевъ, поставлен-
ныхъ правильными рядами другъ подле друга.—Вотъ, выбирайте которые вамъ
понравятся; они у меня собраны совсѣмъ, можно хоть сейчасъ роя сажать,
только навоштить надо рамки.

Николай принялся осматривать ульи и выбравъ два изъ нихъ, сказалъ:—
вотъ, Тимофей Ильичъ, мы пожалуй эти возьмемъ, можно будетъ?

— Понятно можно, чего еще вздумалъ спрашивать, тащи знай.

— Ну-ка, тятя, помогай мнѣ тащить-то ихъ на дроги, одному-то тяжело-
вато.

— Э, да ты братикъ врешь, они совсѣмъ не тяжелы, сказалъ Игнатій
Ивановичъ, подымая съ Николаемъ улей, это не то, что наши колоды, если-бы
я былъ по-моложе, то и одинъ утащилъ-бы.

Установивъ оба улья на дроги и привязавъ ихъ веревками, Игнатій
Ивановичъ попробовалъ плотно-ли они стоятъ.

— Эге, плотно, ну да здѣсь вѣдь и не далеко, живо дотащимся,—ска-
залъ онъ.—Ну, а сколько тебѣ за нихъ, Тимофей Ильичъ?

— Теперь объ этомъ толковать не будемъ, а то еще откажешься отъ
нихъ, скажешь что дорого, а вотъ заселишь ихъ пчелами, ну тогда вотъ и
поторгуемъ,—отвѣчалъ тотъ смѣясь.—Не беспокойся, много не возьму, лишь-бы
только понравились.

— Ну спасибо тебѣ за это; я братъ не тотъ, чтобы меня цѣной на-
пугать, а разъ что задумалъ, то во что-бы-то ни стало, а добьюсь своего,
лишь-бы только Богъ помогъ намъ пересадить пчелъ-то благополучно. Да,
вотъ еще что, когда завтра пойдешь къ намъ, то пожалуста захвати съ собой
свою дымилку, у насъ вѣдь еще вѣтъ такой-то, а съ головешкой работать
будетъ пожалуй неудобно.

— Ладно, ладно, захвачу все, что потребуется, принесу съ собой.

— А теперь Николай, отвязывай-ко гнѣдка-то, да двинемся поти-
хоньку.

— Я уже отвязалъ и жду тебя.

— Молодецъ, когда такъ. Ну до пріятнаго свиданія, Тимофей Ильичъ,
спасибо за угощеніе; завтра приходи, будемъ ждать, да и жену прихвати съ
собой.

— Куда! ей впору съ ребятишками да со скотиной управляться, а я-то
приду обязательно.

Николай также попрощался съ Тимофеемъ Ильичемъ и особенно крѣп-
ко пожалъ ему руку, дѣйствительно онъ былъ отъ всего сердца благодаренъ
ему, за тѣ пчеловодныя познанія, которыя Николай пріобрѣлъ отъ Тимофея
Ильича, безъ всякаго вознагражденія послѣднему.

Попрощавшись съ Тимофеемъ Ильичемъ, Игнатій Ивановичъ усѣлся на
задохъ дрогъ, а Николай прицѣпился въ передкѣ, усѣвшись слегка на крыш-
ку улья и, дернувъ гнѣдка возжами, поѣхали домой.

Долго еще Тимофей Ильичъ смотрѣлъ имъ въ слѣдъ, а потомъ опять
прошелъ въ огородъ, къ себѣ на пасѣку.

Черезъ нѣсколько лѣтъ мнѣ выпало счастье быть на пчельникѣ у Игна-
тія Ивановича, который въ то время копошился тутъ же, трудясь какъ видно
надъ установкою пустыхъ ульевъ, приготавливая ихъ для ожидавшихся роесвъ.
На пчельникѣ, кромѣ Игнатія Ивановича, было двое посѣтителей мужичковъ,
пасѣчниковъ же. Какъ мнѣ показалось, Игнатій Ивановичъ былъ радъ моему
приходу, такъ какъ тотчасъ же принялся излагать свое мнѣніе о наступаю-
щемъ роеніи, о необходимости смѣны старыхъ матокъ, что дальше трехлѣт-
няго возраста ихъ держать не слѣдуетъ, такъ какъ послѣ 3-хъ лѣтъ матка
значительно меньше кладетъ личекъ и становится мало пригодной; о под-
борѣ болѣе плодовитыхъ матокъ, а также и о приближающемся главномъ
взяткѣ. Трудно было узнать въ этомъ ораторѣ, съ увлеченіемъ говорившемъ
о высокихъ достоинствахъ рамочнаго улья, того яраго защитника улья-ко-
лоды, котораго я видѣлъ у Тимофея Ильича нѣсколько лѣтъ тому назадъ;
который тогда говорилъ о массовой гибели пчелъ „что это такъ видно Богу
угодно“; теперь же онъ заявлялъ, что „самъ плохъ, такъ не подастъ Богъ“.
„На тощенькой лошаdkѣ не много напашешь, впередъ накорми посытнѣй, а
потомъ уже и поѣзжай въ поле“.

— А сколько теперь у васъ, Игнатій Ивановичъ, улейковъ-то со пче-
лами? спросилъ я.

— Двадцать три теперь. Да я не этому радуюсь, а радуюсь тому, что
глядя на мои усѣхи и другіе сѣдобородые начали заводить рамочные ульи.
Вотъ ихъ здѣсь двое; вѣдь не даромъ пришли, дома работы бросили, а сюда
пришли. Это имъ покажи, да это, что и какъ растолкуй. Имъ вотъ теперь
хорошо у меня старика учиться-то, не такъ стыдно. Ну а мнѣ-то пришлось
учиться у молодыхъ ребятъ, такъ стыдновато было; тогда вотъ они же гово-
рили, что „Игнатій на старости лѣтъ-то, не рехнулся-ли умкомъ-то,
рамочники заводитъ, да слушаетъ ребятъ“, а оказалось напротивъ, только за
умъ-то взялся тогда, теперь посмотри какая благодать, въ любомъ ульѣ все
видно честь-честью, совсѣмъ не то, что колода. Жаль что жить-то осталось
маловато, да ну и то слава Богу, хотя подъ конецъ жизни какъ слѣдуетъ
узналъ пчелъ, и какъ они живутъ, а то такъ-бы и померъ со своими пред-
разсудками.

— Ну, а вы какъ смотрите на рамочное пчеловодство, обратился я къ
стоявшимъ около насъ двумъ мужичкамъ, у которыхъ также какъ и у Игнатія

Ивановича виднѣлось серебро въ борода; правятся-ли вамъ рамочки-то?

— Да оно ничто, начинаемъ учиться у Игнатія Ивановича, сказали одинъ изъ нихъ; вотъ мы со сватомъ на пробу пока по парочкѣ завели, не знаемъ что Богъ дастъ. Плохо еще мы умѣемъ ухаживать-то за пчелами, ни какъ у насъ такъ не выходитъ при работѣ со пчелами, какъ у Игнатія Ивановича, у него все какъ-то дѣлается легко, скоро и хорошо.

— Погодите, годикъ-другой позанимайтесь со пчелами хорошенько, то и вы понаучитесь тогда.

Пасѣка Игнатія Ивановича имѣла красивый видъ. Покатость на югъ, въ концѣ огорода рѣчка, или скорѣе ручей, берега котораго покрыты зарослями ивы; далѣе за ручьемъ тянулись обширныя поля. Въ озимомъ полѣ около дорогъ и на запущенныхъ полосахъ виднѣлась масса бѣлаго клевера. Улья на пасѣкѣ стояли на скамеечкахъ, а мѣста подъ ульями были расчищены отъ дерна и посыпаны крупнымъ пескомъ. Нѣсколько такихъ же площадокъ было еще не занято ульями.

— У тебя здѣсь благодать для пчелокъ-то, сказалъ я Игнатію Ивановичу.

— Да ничего, слава Богу, если погода не испортится, то какъ видно нынѣ полакомимся медкомъ-то. А вотъ теперь зайдите сюда въ сарай, у меня здѣсь есть маленькая мастерская.

Мы всѣ четверо вошли въ довольно обширный сарай, часть котораго была отгорожена досчатой перегородкой.

— Вотъ въ первой половинѣ я работаю ульи, а въ свободное отъ полевыхъ работъ время мнѣ помогаетъ Николай.

Дѣйствительно тутъ была цѣлая мастерская, довольно большой верстакъ стоялъ въ одномъ углу сарая, рядомъ по стѣнѣ были понадѣланы полки, на которыхъ находился различный инструментъ и большое количество пустыхъ рамокъ для ульевъ. Въ другихъ углахъ было расставлено нѣсколько пустыхъ новыхъ ульевъ, часть изъ нихъ была закончена совсѣмъ, у другихъ же еще кой что не было додѣлано. Всѣ ульи я осмотрѣлъ подробно, они были сдѣланы хотя не такъ то чисто, зато прочно и всѣ внутренніе размѣры ульевъ были вѣрны.

— Я теперь дѣлаю ульи не только для себя, но и на продажу, сказалъ Игнатій Ивановичъ, даже Тимофей Ильичъ—мой учитель пчеловодства и тотъ мнѣ заказываетъ, такъ какъ самому дѣлать ульи некогда, надо и въ полѣ работы исправить, да и ичельникъ теперь у него большой сталъ. Вотъ этимъ господамъ по два улья продалъ и пересадилъ для нихъ пчелъ изъ колодныхъ ульевъ, теперь тоже ждутъ роень. Улья я продаю недорого, лишь бы немного трудъ окупили, да рамочные ульи по-силнѣй прививались-бы среди нашего брата, а то темноты-то ужъ очень много. А вотъ въ этой половинѣ у меня хранятся разныя пчеловодныя принадлежности сказалъ онъ, указывая на перегородку. Мы вошли туда, и чего-то, чего тутъ не было: въ одномъ углу стояла самодѣльная медоголка съ ремненнымъ приводомъ, въ другомъ солнечная воскотопка, тутъ же нѣсколько штукъ роень; различныхъ кормушекъ и маточниковъ; почти все это было своей работы и сдѣлано практично и удобно. Нѣсколько полокъ висѣло надъ нашими головами съ большимъ количествомъ рамокъ суши; на окнѣ красовался наблюдательный улеекъ, тутъ же на небольшой полочкѣ стоялъ дымарь (теперь Игнатій Ивановичъ головешкой уже больше не пользуется) и нѣсколько различныхъ банокъ, какъ видно для меда. Ну, дѣйствительно, тутъ было хорошо, во всемъ виднѣлась работа хозяина.

Осмотрѣвъ все подробно, поблагодаривъ хозяина за его радушіе и по-

желавъ ему добрыхъ усѣховъ въ дѣлѣ пчеловодства, я отправился домой. Идя домой я всю дорогу думалъ о дѣятельности Игнатія Ивановича, который чрезъ три-четыре года послѣ перехода отъ колодныхъ ульевъ къ рамчатымъ, сумѣлъ сдѣлать свою пасѣку образцовою и въ настоящее время среди своихъ сосѣдей пчеловодовъ сталъ разсадникомъ рациональнаго пчеловодства, такъ какъ на его призывъ крестьяне не замедляютъ отозваться. Думалось мнѣ сколько такихъ талантливыхъ, но покрытыхъ мракомъ невѣднія и разными предрасудками старины, дѣльныхъ мужичковъ есть у насъ на матушкѣ Руси! не хватаетъ лишь свѣтильниковъ, или такъ сказать проводниковъ къ нимъ, проводниковъ такихъ, которые бы изъ любви къ пчеловодству и къ своему пчельному собрату пчеловоду, помогли-бы послѣднему понять ту пользу, которую могутъ принести пчелы при рациональномъ уходѣ за ними, проводниковъ такихъ какъ Тимофей Ильичъ, который съ настойчивостью сумѣлъ разубѣдить закоснѣлаго въ старинѣ Игнатія Ивановича въ преимуществахъ рациональнаго пчеловодства предъ рутиннымъ. Здѣсь невольно вспоминаются слова народнаго поэта: „Сѣйте разумное, доброе, вѣчное; сѣйте, спасибо вамъ скажетъ сердечное русскій народъ“. И дѣйствительно, русскій народъ всегда скажетъ сердечное спасибо тому, кто сумѣетъ вывести его изъ тьмы невѣднія. Да, жатвъ много!..

Кострома.

А. А. Кузьминъ

СЪ 1902 ИЗДАЕТСЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
„ОБОЗРѢНІЕ ПЧЕЛОВОДСТВА“

выходить 6 разъ въ годъ сброшюрованными книжками
подъ редакціей

ИНСТРУКТОРА ПЧЕЛОВОДСТВА
Г. А. КУЗЬМИНА.

Журналъ выходитъ по обширной программѣ и главной задачей ставить ознакомленіе пчеловодовъ со всѣми журнальными статьями, появляющимися въ другихъ изданіяхъ, если только эти статьи имѣютъ интересъ съ точки зрѣнія практика-пчеловода.

Краткое содержаніе программы: 1) Хроника. Обзоръ дѣятельности Обществъ Пчеловодства и пр. Корреспонденція. 2) Дѣло обученія пчеловодству: школы, курсы, и т. д. 3) Статистика, экономика и техника пчельнаго промысла. Статьи научнаго и практическаго направленія. 4) Обзоръ періодическихъ изданій по пчеловодству. Краткое содержаніе (въ выдержкахъ или въ пересказѣ) всѣхъ болѣе или менѣе интересныхъ и полезныхъ статей. Переводы. 5) Смѣсь. 6) Библиографія. 7) Вопросы и отвѣты. 8) Объявленія.

Подписная плата на годъ съ пересылкою ОДИНЪ руб.

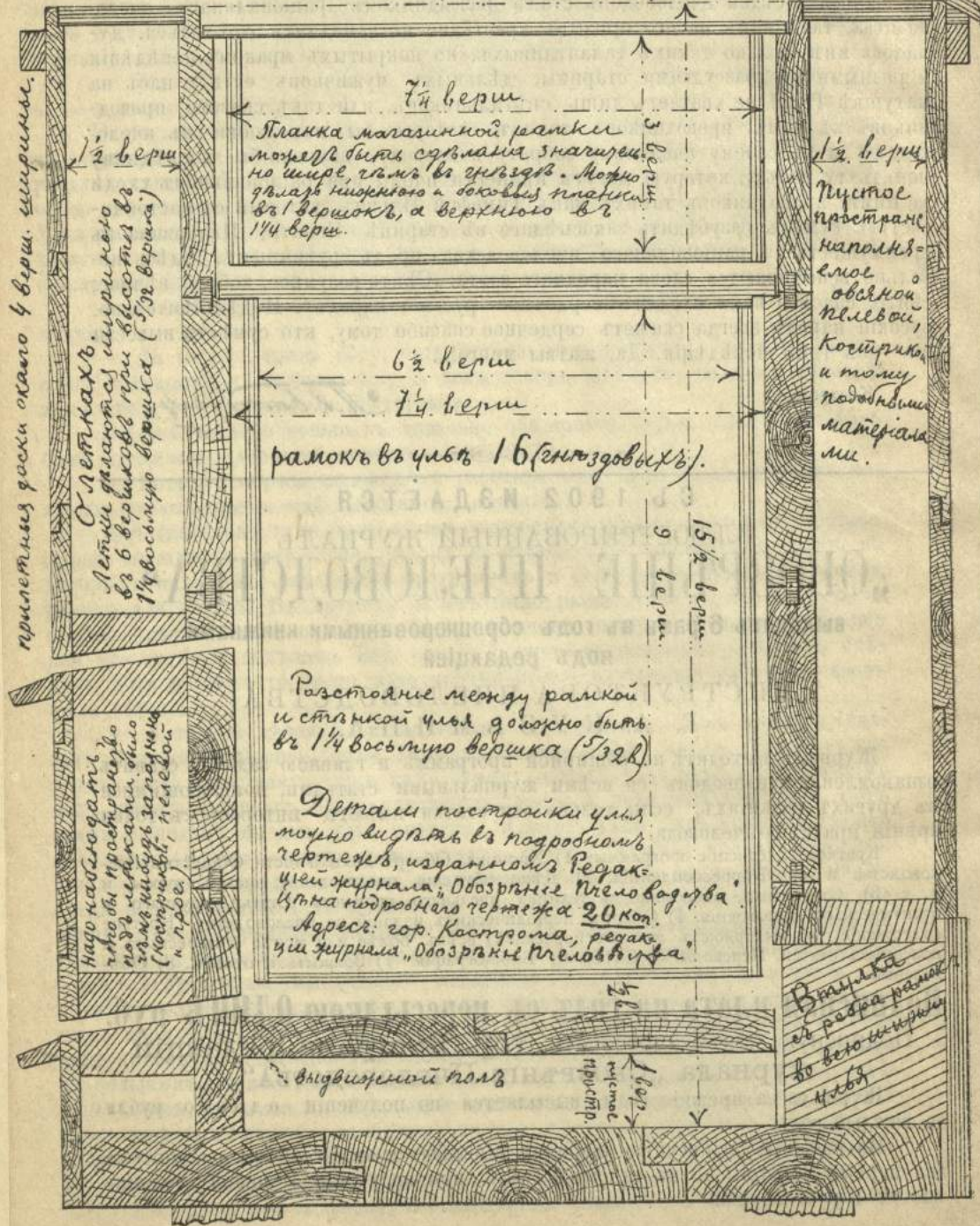
Подписную плату адресовать: гор. Кострома, редакціи
журнала „Обозрѣніе Пчеловодства“.

Журналъ за прежніе годы высылается по полученіи одного рубля за каждый годъ.

По желанію подписчика журналъ высылается *наложеннымъ платежомъ* (на первый номеръ), но въ такомъ случаѣ при полученіи журнала уплачивается 1 руб. 20 коп.

в $\frac{1}{4}$ натуральной величины.

Г.А. Кузьминъ.
Чертежъ улья
(поперечный разрезъ).

СЪ 1902 ИЗДАЕТСЯ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ОБОЗРѢНІЕ ПЧЕЛОВОДСТВА“

выходить 6 разъ въ годъ сброшюрованными книжками
подъ редакціей

ИНСТРУКТОРА ПЧЕЛОВОДСТВА

Г. А. КУЗЬМИНА.

Журналъ выходитъ по обширной программѣ и главною задачею ставить ознакомленіе пчеловодовъ со всеми журнальными статьями, появляющимися въ другихъ изданіяхъ, если только эти статьи имѣютъ интересъ съ точки зрѣнія практика-пчеловода.

Краткое содержаніе программы: 1) Хроника. Обзоры дѣятельности Обществъ Пчеловодства и пр. Корреспонденціи. 2) Дѣло обученія пчеловодству: школы, курсы, и т. д. 3) Статистика, экономика и техника пчелинаго промысла. Статьи научнаго и практическаго направленія. 4) Обзоръ періодическихъ изданій по пчеловодству. Краткое содержаніе (въ выдержкахъ или въ пересказѣ) всѣхъ болѣе или менѣе интересныхъ и полезныхъ статей. Переводы. 5) Смѣсь. 6) Библиографія. 7) Вопросы и отвѣты. 8) Объявленія.

Подписная плата на годъ съ пересылкою ОДИНЪ руб.

Подписную плату адресовать: гор. Кострома, редакціи
журнала „ОБОЗРѢНІЕ ПЧЕЛОВОДСТВА“.

Журналъ за прежніе годы высылается по полученіи одного рубля за каждый годъ.

По желанію подписчика журналъ высылается *наложеннымъ платежомъ* (на первый номеръ), но въ такомъ случаѣ при полученіи журнала уплачивается 1 руб. 20 коп.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ОБОЗРѢНІЕ ПЧЕЛОВОДСТВА“

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

1) Кузьминъ. Чертежъ улья	ишна	—20 коп.
2) Кузьминъ. Вопросыкъ Пчеловодства. 666 вопросовъ	„	—25 „
3) Г. А. Кузьминъ. Значеніе и польза пчеловодства	„	— 5 „
4) К. Левицкій. Медовареніе	„	—15 „
5) Старинный способъ медоваренія. Перевелъ съ польскаго Г. А. Кузьминъ	„	—10 „
6) М. А. Шведовъ. Соломменно-деревянная дуплянка	„	— 5 „
7) В. С. Штурманъ. Кирилловская пчеловодная артель	„	— 5 „
8) М. А. Ширяевъ. О шилахъ	„	— 2 „
9) Г. А. Кузьминъ. Чертежъ улья Дадана	„	—10 „
10) Кузьминъ. Чертежъ улья по сист. Левицкаго	„	—10 „